

Афган: последняя война СССР

Николай Кузьмин

**ВОЙСКОВЫЕ
РАЗВЕДЧИКИ
В АФГАНЕ**

*Записки начальника
разведки дивизии*

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2013

УДК 355/359
ББК 67.401.212
К 89

Дизайн переплета *Юрия Щербакова*

В оформлении переплета использованы иллюстрации:
Tetiana Dziubanovska, piscari / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Также использована фотография из архива автора

Кузьмин Н. М.

К 89 **Войсковые разведчики в Афгане. Записки начальника разведки дивизии / Николай Кузьмин. — М. : Яуза : Эксмо, 2013. — 320 с. — (Афган: Последняя война СССР).**

ISBN 978-5-9955-67643-9

Новая серия о последней войне СССР. «Афганская правда» войсковых разведчиков, чей девиз: «Душманы делают что могут, а мы — что хотим». Воспоминания начальника разведки дивизии, воевавшей в Афгане все девять лет и потерявшей только убитыми более 2700 человек.

«Разведчиков совали во все «дыры», начиная от сопровождения колонн до участия в высадке аэромобильных десантов. А ведь кроме этого у нас были еще и специфические действия, характерные только для разведчиков: засады, налеты, разведывательно-поисковые, разведывательно-ударные, диверсионные действия. Спросите любого ветерана-разведчика, он вам скажет, что на разведку везде и всегда возлагали самые сложные и опасные задачи. Боевая работа была сущностью нашей жизни. Пробыв в Афганистане «чистых» 643 дня, не знаю, сколько раз я был в боевых ситуациях: может, 400, может, 500 раз. Только солдаты и офицеры невоевавших подразделений и штабов считали боевые выходы, так как для них каждый такой выход — событие. А для разведчиков, мотострелков, танкистов, десантников, саперов это было повседневной жизнью... Возможно, многие истории, рассказанные здесь, кого-то шокируют своей жесткостью и откровенностью, но это правда войны. Так было, и от этого не уйти... Светлой памяти войсковых разведчиков Афганистана, павших и живых, я посвящаю эту книгу!»

УДК 355/359
ББК 67.401.212

ISBN 978-5-9955-67643-9

© Кузьмин Н.М., 2013
© ООО «Издательство Яуза», 2013
© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Предисловие

Тема войны в Афганистане занимает значительное место в современной исторической, художественной литературе, кинематографии. И действия разведчиков как наиболее активных участников этой войны, людей самой загадочной и романтической воинской профессии, рассматриваются там с наибольшим интересом.

Просматривая очередной «афганский» фильм с лихо закрученным сюжетом, отчетливо понимаешь, что это всего лишь коммерческий проект, и в нем почти нет ничего общего с тем, чем занимались в Афганистане разведчики.

Я весь свой почти двухгодичный срок в Афганистане прослужил в одной дивизии — 201 мотострелковой, и в одной должности — начальником разведки этой дивизии, потому отвечаю за свои слова. Во всех событиях, описанных в этой книге, я был или непосредственным их участником, или имел непосредственный контакт с персонажами моих очерков.

Очерк «Две трагедии 783 орб» особенный. Это историческое расследование памятных и трагических боев 783 орб нашей дивизии 3 августа 1980 и 17—18 июня 1986 года, в которых я личного участия не принимал, но знаю о них от очевидцев и непосредственных участников.

В книге опубликовано около 100 фотографий моих однополчан-разведчиков, многие из которых погибли. Вглядитесь в эти молодые лица!

На обложке книги не случайно находится фотография ущелья Машхад в горах Памира. Здесь, в отрогах этого

ущелья, произошла первая упомянутая трагедия, унесшая жизни около 70 солдат и офицеров нашей дивизии.

В этом расследовании мне помогли некоторые материалы российского писателя-афганца, бывшего редактора дивизионной газеты «За честь Родины» Алескандера Рамазанова, написавшего книги о 201 мсд под названием «Дивизия цвета хаки», «Последний легион империи» и «Трагедия в ущелье Шаеста».

Описание второй трагедии — событий 17—18 июня 1986 года, взяты мною из воспоминаний бывшего командира разведывательного батальона полковника П.В. Коротного, офицеров и солдат — участников этого боя, опубликованных в сети Интернет и печатных источниках.

Очерк «На крыше мира» для большей полноты картины событий тех лет мною дополнен выдержками из повести писателя-афганца Глеба Боброва «Песчаный поход». Будучи солдатом-снайпером в 860 омсп, награжденным высшей солдатской наградой — медалью «За отвагу», он детально описал отдельные события, произошедшие в их полку в тот период 1984 года, когда наша дивизия совместно с ними вела боевые действия в провинции Файзабад.

Провел я и собственные исследования.

В первую очередь, это работа с топографическими картами для уточнения районов, где произошли описанные события. Для меня это было как бы возвращением в те далекие годы и возможностью снова пережить чувства и мысли, которыми я тогда жил.

Основательно пришлось поработать с «Книгой Памяти о советских воинах, погибших в Афганистане», изданной Генеральным штабом ВС России в 1999 году.

К глубокому сожалению, эта очень полезная для историков Афганской войны книга страдает многими недостатками. Так, наряду с необходимыми данными о погибших воинах она не содержит таких, казалось бы, обязательных о них данных, как: в составе какого соединения и части (номер полевой почты) служил солдат, офицер, прапорщик, место и более подробные обстоятельства гибели.

Ну какую ценность для исследователя имеют, скажем, данные о том, где работал или учился погибший до призыва в Советскую Армию, его гражданская специальность?

По моему мнению, погибший солдат (этим словом я объединяю все категории военнослужащих) навсегда останется Солдатом, а кем он был до этого — не так важно.

Скажу, что больше всего удивили меня казенные фразы и фальшивые истории в аннотациях о погибших. Например, история, когда начальник гарнизонного Дома офицеров по приказу начальника политотдела дивизии поднимает в атаку пехоту и при этом героически гибнет. За свой подвиг посмертно награждается орденом «За службу Родине» 3 степени.

Простите меня, но каждому мало-мальски разбирающемуся в военном деле, а уж «афганцам» тем более, видно, что эта история — небылица. Во-первых: данная категория офицеров на боевые операции не привлекалась и не то что управлять подразделением в бою, но и быть на поле боя не могла даже теоретически. Во-вторых: если офицер погиб в бою, то почему же он награжден небоевым орденом?

Друзья мои, извините, но так было, и не я это придумал. Невоюющий офицер мог погибнуть от обстрела гарнизона, автоколонны, в сбитом вертолете или самолете, подорваться на mine. Да мало ли где он мог еще погибнуть, это не важно, но это была бы правда, не умаляющая его заслуг перед Родиной. Он уже совершил свой подвиг, служа на земле Афганистана, оставив свою семью и рискуя жизнью ради выполнения мифического интернационального долга. И не столь существенно, непосредственно в бою он погиб или нет.

Непонятен и уровень наград, которыми удостоены погибшие. Одним и тем же орденом Красной Звезды награждается и раненый солдат, подорвавший себя гранатой при попытке его захвата душманами, и солдат, умерший от инфекционной болезни в госпитале.

А почему солдат, погибший от неосторожного обращения с оружием, награжден, а солдат, погибший в бою — нет? И таких вопросов к авторам Книги Памяти — масса.

Сознаю, что это, конечно, не вина составителей: все-таки представление на награждение писали и утверждали командиры, старшие начальники погибших. А они зачастую толком и не знали обстоятельств гибели, а если и знали истину, то старались любую гибель сделать героической.

В свете этого есть предложения к властям и руководству общественных организаций ветеранов Афганистана.

Почему бы не инициировать представление всех погибших воинов-афганцев, всех без исключения, не удостоенных наград СССР, к национальным наградам наших государств? Приурочив хотя бы к пышно празднующимся датам вывода ОКСВА? Хотя бы по несколько человек к каждому празднику, а не к поголовному и неоднократному награждению деятелей афганских ветеранских организаций непонятно за что.

На одном из стендов в музее Великой Отечественной войны в г. Киеве демонстрируется официальное письмо 2001 года из Москвы от Всероссийской ветеранской организации «Боевое братство» за подписью ее руководителя — бывшего командующего 40А генерала Громова Б.В. Там он обращается к Президенту Украины Кучме Л.Д. с просьбой о присвоении посмертно звания Героя Украины разведчику разведывательной десантной роты 783 орб, заместителю командира взвода сержанту Николаю Бричнику с Житомирщины.

Н. Бричник в решающую минуту боя в ущелье Шаеста 3.08.1980 года принял командование взводом и героически погиб. Подвиг совершен на глазах десятков свидетелей. Кажется бы, какие могут быть сомнения? Тем не менее письмо есть, а результата так и нет.

Формальная причина: *«Звание Герой Украины не присваивается за заслуги, имевшие место в прошлом и не связанные со становлением и развитием независимой Украины» (Положение о звании Героя Украины).*

Тем не менее из 265 Героев Украины это звание в 17 случаях было присвоено посмертно с нарушением этого положения. Значит, можно, если сильно хочется?

Я склоняю голову перед именами всех без исключения погибших в Афганистане, но писать о них надо только правду. Иначе принижается подвиг воинов, погибших в бою за Родину.

Тема потерь в Афганистане — большая тема. Не хочется о ней говорить, но надо. А о разведчиках надо сказать особо.

По моим расчетам, только в 201 мсд из более 2700 военнослужащих, погибших за все 9 лет и 1 день пребывания на афганской войне, войсковых разведчиков (в том числе и батальонных) погибло никак не менее 280 человек. Это более 10% от всех погибших. А численность войсковых разведчиков в дивизии — менее 6% от всего личного состава. То есть уровень потерь почти в 1,5 раза выше, чем в других подразделениях дивизии. И это не от неумения солдат и низкого профессионального уровня командиров, как иногда пытаются показать «исследователи» Афганской войны, не нюхавшие не то что пороху, но и самого Афгана!

Основная причина этого — высокая интенсивность применения разведподразделений в боевых действиях. По журналам боевых действий, проанализированных мной еще в 1984 году, 783 орб на боевых действиях находился почти 300 суток из 365! А интенсивность применения полковой разведки была еще выше!

В книге опубликованы фото Героев Советского Союза и России: офицеров, сержантов и солдат войсковой разведки, удостоенных этого звания за Афганскую войну. Как видите, среди них нет больших начальников, т.е. звание присвоено за подвиги, совершенные непосредственно в бою.

Разведчиков совали во все «дыры», начиная от сопровождения колонн до участия в высадке аэромобильных десантов. А ведь кроме этого, у них были еще и специфици-

ческие действия, характерные только для разведчиков: засады, налеты, разведывательно-поисковые, разведывательно-ударные, диверсионные действия.

Весь спектр их деятельности трудно и очертить. Спросите любого ветерана-разведчика, он вам скажет, что везде на разведку всегда возлагали самые сложные и опасные задачи. Причем в любом звене: дивизии, полку, батальоне. И у меня не укладывается в голове вопрос, который мне задал один из бывших «афганцев» — а сколько раз вы участвовали в боевых действиях? Откровенно скажу: и не считал, и не знаю.

Боевая работа была сущностью нашей жизни. Пробыв в Афганистане «чистых» 643 суток, не знаю, сколько раз я был в боевых ситуациях: может, 400, может, 500 раз. Спросите у любого разведчика, он скажет вам то же. Только солдаты и офицеры не воевавших подразделений и штабов считали боевые выходы, так как для них каждый такой выход — событие! Летчики считали боевые вылеты, водители автомашин — количество рейсов в автоколоннах. А для разведчиков, мотострелков, танкистов, десантников, саперов это было повседневной жизнью.

В годы работы над книгой — памятных годах 70-летия начала Великой Отечественной войны, мне хотелось рассказать о войсковых разведчиках 1941 года. Это мало изученная тема, не осталось очевидцев и документов. Почти все взяла война.

В очерке «Ваше благородие, госпожа удача...» я рассказал об одном из них — своем отце, тогда младшем сержанте Кузьмине Михаиле Александровиче, командире танка Т-37 144 отдельного разведывательного батальона 164 стрелковой дивизии 18А Южного фронта. В книге описан один из эпизодов его боевой биографии первых двух месяцев войны на территории Украины, рассказанных мне когда-то.

Возможно, что многие истории, рассказанные в книге, кого-то шокируют своей жесткостью и откровенностью, но это правда войны. Так было, и от этого не уйти.

Матери, отцы, братья, жены, дети, друзья воинов-афганцев имеют право знать, как воевали и как погибали близкие им люди.

От героев былых времен не осталось порой имен.
Те, кто приняли смертный бой, стали просто землей, травой.
Только грозная доблесть их поселилась в сердцах живых.
Этот вечный огонь, нам завещанный одним, мы в груди
храним...

(Из кинофильма «Офицеры»)

Войсковая разведка так и называется потому, что ее ведут сами войска: мотострелковые, танковые, воздушно-десантные, десантно-штурмовые. В книге приводится структура войсковой разведки 201 мсд, ее силы и средства, типы вооружения, боевой и специальной техники, их характеристики.

К большому сожалению, документальных материалов о деятельности войсковой разведки нашей 201 мсд в период 1980—1985 годов в военных архивах практически не имеется. Условия того периода, когда даже в историческом формуляре дивизии не упоминается о ведении боевых действий, наложили свой отпечаток и на историю самой дивизии.

Написать эту книгу меня побудило желание восполнить «белые пятна» в боевой истории 201 мсд и рассказать о войсковых разведчиках в Афганской войне.

В мемуарной и художественной литературе про Афганскую войну почему-то пишут в основном о спецназе и десантниках, как будто только они и боролись с моджахедами. Не умаляя их роли, в своей книге мне хотелось рассказать о «чернорабочих войны»: солдатах, сержантах, прапорщиках, офицерах тактического звена разведки — войсковой. Разведки дивизий, бригад, полков, батальонов.

Особенно если у этих существовавших или существующих ныне людей было в жизни приключений столько, сколько не наберется и в приключенческом сериале. Цен-

ность в том, что это реальные люди, многие из которых погибли, плюс реальные события, а не выдумка писателей, которые в своем большинстве не видели в своей жизни ничего такого, о чем пишут.

Нездоровая фантазия, глупые истории, не имеющие ничего общего с реальностью, действительными судьбами людей. А ведь сколько подлинных историй человеческой красоты и подлости пришлось увидеть за годы войны в Афганистане!

Светлой памяти войсковых разведчиков Афганистана, павших и живых, я посвящаю эту книгу!

Афганистан. Первое знакомство

Вот, наконец, и место назначения — г. Кизыл-Арват (красная девушка — по-туркменски) Туркменской ССР. Приехали мы туда, выпускники Военной академии бронетанковых войск им. Р.Я. Малиновского 1979 года, в первых числах сентября. Мы — это я и мой однокашник Юрий Корсаков, которым выпало «счастье» служить в Центральных Каракумах.

Надо сказать, что настроение было не особенно бодрым, так как ехали в очередной раз в богом забытый угол. Больше всего угнетало чувство несправедливости: ведь мы поступали в академию тоже из дальних гарнизонов: я из Забайкалья, Юра с Дальнего Востока. Однако по распределению при выпуске получилось как всегда: «лохматые» — кто из Германии, тот в Белоруссию, кто из Украины, тот в Чехословакию, а наш брат — из Забайкалья и Дальнего Востока в Туркестан, а из Туркестана — в Забайкалье.

Однако ничего не поделаешь, тогда мы все были воспитаны в духе неукоснительного выполнения приказа, и не было даже в самой критической ситуации мысли об увольнении из армии, как это делается сейчас: чуть чем недоволен — хлоп рапорт на стол!

Успокаивали себя тем, что, мол, не на всю же жизнь едем туда. Однако реально сознавали, что, видимо, как раз на всю оставшуюся жизнь. Ведь я из Забайкалья «выскочил» только благодаря тому, что поступил в академию БТВ, а теперь было маловероятно, что поступлю в ВА ГШ им. Ворошилова. Туда поступали только единицы из де-

сятков тысяч офицеров. А другого способа вырваться из Туркестана тогда не было.

Семью свою я отправил к родителям жены в Белоруссию, с условием, что как только устроюсь, сразу их вызову. Мой товарищ ехал всей семьей, так как ему и отправить-то их было некуда: он и жена были родом с острова Сахалин.

Несколько суток в поезде «Москва—Ашхабад» мы видели в окно сначала степи, потом пески. В вагоне почти одни туркмены, каждый со своими чайниками и пиалами. В фирменном поезде хорошая вентиляция и особой жары не чувствуется. Приехали в Ашхабад, ночь провели на вокзале, а утром пересели на местный поезд «Ашхабад—Красноводск» и к обеду были на месте.

Первое впечатление о городе, конечно, было тягостное. Пыль, жара, глинобитные дувалы (заборы), узенькие улочки, чахлая растительность, везде ишаки и верблюды. Правда, когда подъехали на дежурном «Урале» к военному городку, несколько стало легче на душе. Современные пятиэтажные дома, много зелени, система полива, фонтаны, бассейны, короче — цивилизация.

Новое четырехэтажное здание штаба дивизии, где мне предстояло служить, радовало глаз своей ухоженностью. Везде чувствовалась хозяйская рука и основательность.

Командир дивизии Леонтий Алексеевич Робул, молодой полковник, молдаванин по национальности, принял нас в кабинете обоих сразу. Посадил за стол и обстоятельно поговорил с нами. Он лет 10 назад закончил нашу академию, помнил многих преподавателей и ему были интересны академические новости.

Представился заместителю командира дивизии подполковнику Валерию Ивановичу Миронову, тоже коротко побеседовали.

Далее я пошел представляться своим непосредственным начальникам: начальнику штаба дивизии подполковнику Владимиру Михайловичу Журбенко и начальнику оперативного отделения штаба подполковнику Вениамину Александровичу Черкашину. Они ввели меня в курс

дела, Черкашин показал мне мой кабинет, познакомил с офицерами-операторами.

Их было двое: майор Виктор Любецкий и капитан Николай Артюхин. Надо сказать, что прослужили мы в этом составе недолго, всего год, но сработались и сдружились, как будто знали друг друга долгие годы. Мой новый начальник тоже недавно в дивизии — прибыл из Самарканда, где был начальником оперативного отделения штаба 114 мсд кадра (т.е. основательно сокращенной дивизии). Офицеры отделения служили здесь уже 5—6 лет и были опытными туркестанцами.

Хочу подробнее рассказать о начальнике штаба дивизии — подполковнике Журбенко, наиболее старом туркестанце и ветеране нашей 58 дивизии, прослужившем в Каракумах более 10 лет после окончания Военной академии им. М.В. Фрунзе.

Сначала командир батальона в 162 мсп, потом заместитель начальника оперативного отделения штаба дивизии, далее начальник этого отделения, командир 101 мсп в п. Иолотань 5 гв. мсд, а с 1978 года — начальник штаба опять 58 дивизии.

В 1980 году поступил в ВА ГШ им. Ворошилова, после ее окончания был начальником оперативного управления в Южной группе войск (Венгрия), потом начальником оперативного управления Ставки Юго-Западного направления в Кишиневе. После ее расформирования стал заместителем начальника Генерального штаба ВС России, генерал-полковником. С 1995 года в отставке. Умер в 2006 году в возрасте 66 лет, похоронен в Москве.

Коротко расскажу о дивизии, в которой мне предстояло служить.

58 мотострелковая Рославльская дивизия была одним из старейших соединений ТуркВО. Сформированная в конце 1941 года под Куйбышевом (ст. Барыш) из частей пограничных войск и НКВД, она прошла всю войну и закончила ее в Вене. Сразу после войны ее передислоцировали в Ашхабад.